

УДК 322+243] (571.54)091

DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Лариса Викторовна Занданова¹,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Анна Владимировна Паламарчук²,
кандидат исторических наук,
Государственное училище олимпийского резерва
(664050, Россия, г. Иркутск, ул. Байкальская, 267),
e-mail: zandanova@mail.ru

Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют

В статье рассмотрена репрессивная политика Советского государства в отношении сторонников одной из древнейших мировых религий – буддизма (ламаизма) на территории Бурятии в 1920–1930-е гг.

Буддизм исповедует значительная доля бурят, тувинцев, калмыков и эвенки Восточной Сибири.

В первые годы установления советской власти представители ламаистского духовенства активно принимали участие в общественно-политической жизни Бурят-Монгольской республики, однако новая власть повела с ней беспощадную борьбу. В годы сталинского режима они испытали на себе жестокие гонения. Активные действия советской власти против ламаизма начались в середине 1920-х гг., что привело к резкому сокращению числа лам на территории Бурят-Монголии. Закрытие и ликвидация дацанов сопровождалось их варварским разрушением, уничтожением имущества и осквернением чувств верующих. Репрессиям подверглась и традиционная деятельность ламства – тибетская медицина.

Документы свидетельствуют о том, что представители традиционной буддистской религии, веками существовавшей среди бурятского населения и являвшейся частью народной культуры и повседневной жизни, были определены как «классовые враги».

Ключевые слова: религии, буддийская церковь, ламаизм, Восточная Сибирь, Бурятия, репрессии

Larisa V. Zandanova³,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru

Anna V. Palamarchuk⁴,
Candidate of History,
State Olympic Reserve College
(267 Baikalskaya st., Irkutsk, 664050, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru

The Struggle Against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents Testify

The article deals with the repressive policies of the Soviet state against the supporters of one of the world's oldest religions – Buddhism (Lamaism) on the territory of Buryat Republic in the 1920s -1930s.

Significant proportion of the Buryats, the Tuvinians, the Kalmyks and the Evenks in the region of Eastern Siberia professes Buddhism.

In the early years of the Soviet power representatives of Lamaist clergy actively participated in the political life of the Buryat-Mongolian Republic, however, the new government relentless struggled with it. In the years of the Stalin regime, they experienced severe persecution. The Soviet power began active actions against Lamaism in the middle of the 1920s. These actions led to a sharp reduction in the number of lamas in the territory of Buryat-Mongolia. Closing and liquidation of datsans were accompanied by their barbaric destruction, annihilation of property and the desecration of the feelings of believers. The Tibetan medicine as the traditional activities of lamas was also subjected to repression.

¹ Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² А. В. Паламарчук выявляла архивные документы, провела их анализ и подготовила статью к публикации.

³ L. V. Zandanova is the principal author and the organizer of the study, she draws conclusions and summarizes the results of the collective project.

⁴ A. V. Palamarchuk identified archival documents, rules of their analysis and produced an article for publication.

Documents give us the evidence that representatives of the traditional Buddhist religion, which existed for centuries among the Buryat population and was part of popular culture and everyday life were identified as the "class enemies".

Keywords: religions, Buddhist Church, Lamaism, Eastern Siberia, Buryatia, repression

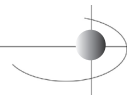
За несколько последних десятилетий религиозная ситуация в России претерпела радикальные изменения, люди перестали бояться публично заявлять о своей вере в Бога и своей религиозной принадлежности. На протяжении семидесяти лет, несмотря на все старания советских властей, искоренить религию так и не удалось, современное российское общество по-прежнему многоконфессионально. Сегодня в России живёт значительное число сторонников одной из древнейших мировых религий – буддизма, принадлежащего к той его ветви, которую у нас называют ламаизмом. Это значительная доля бурят, основная часть тувинцев, большинство калмыков и сравнительно небольшое число эвенков, живущих в Бурятии. Приверженцы этой религии в годы сталинского режима испытали на себе жестокие гонения, по сути, вычеркнувшие буддизм из отечественной истории. Радикальные перемены, происходящие сейчас в отношении традиционных религий в нашей стране, не являются основанием для того, чтобы забыть чёрные страницы в их истории. Этому способствует возможность ознакомиться с подлинными документами, отложившимися в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) и позволяющими воссоздать конкретно-историческую картину тех событий. Авторы постарались процитировать как можно больше текстов документов, оставив при этом без изменения их стилистику, языковые погрешности и специфические особенности, предоставляя возможность читателям увидеть прошедшую эпоху своими глазами.

В 1930-е гг. в Сибири ламаизм был распространён на территории Бурятии, в большей степени в восточной её части и немного меньше – в западной. Он глубоко вошёл в быт бурят-монгольского населения региона, в силу чего ламы через духовные наставления имели возможность влиять на значительные слои верующих. В первые годы после установления советской власти представители ламаистского духовенства активно принимали участие в общественно-политической жизни Бурят-Монгольской республики, участвовали в работе различных национальных съездов. Однако новая власть, на бумаге провозгласившая религию частным делом граждан, на деле повела с ней беспощадную

борьбу, опираясь на высказывание И. Сталина: «Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков... Партия не вычёркивала из своей программы пункт о борьбе с религией» [1, с. 329].

Активные действия советской власти против ламаизма начались в середине 1920-х гг., параллельно с первыми попытками коллективизации. Для нажима на лам большевики использовали методы, уже проверенные в борьбе с православной церковью: обвинение в контрреволюции и как следствие – массовые репрессии среди духовенства и мирян, затем постоянно усиливающаяся антирелигиозная пропаганда и непосильные налоги на культовые здания и имущество самих лам. Именно система налогообложения становится основой «комбинированного метода борьбы с ламаизмом», весьма активно используемого местной властью для давления на служителей религии и верующих.

Деятельность партийных ячеек и групп бедноты носила настолько выраженный незаконный характер, что заставила в 1930 г. секретаря Бурятского обкома партии М. Н. Ербанова в секретном директивном письме ко всем партийным организациям указать на недопустимость «административных перегибов» в отношении лам. Он, в частности, отмечал: «а) доходность ламства за 1930 г. по Гусино-Озёрскому дацану исчислена в 200 000 р., а в прошлом году было исчислено 100 000 р. Увеличение произошло на 100 %. Между тем раньше в приходе Гусино-Озёрского дацана было примерно 1000 дворов, а теперь осталось около 300; б) в Еравинском аймаке при исчислении доходности лам Эгитуевского дацана в список включён умерший лама Иролтуев с определением его доходности в 14 000 р. Причём налог на него взыскивается со всех лам данного дацана; в) все ламы Иройского дацана, достигшие 18-летнего возраста, всего 145 чел., включены в подоходно-имущественный список, и годовой доход их определён по разрядам: 1-й разряд от 5000 до 6000 р., 2-й разряд от 3000 до 4000 р. и 3-й разряд от 1000 до 2000 р. Всего, таким образом, исчислено дохода 273 255 р. В числе этих лам есть совершенно неимущие. В результате ламы накануне разгона из дацана; г) в Тункинском аймаке Толтойский сомсовет, объявив 27/XII-29 г. ламам Хандагатайского

дацана самообложение, предложил им в тот же день до 8 ч вечера внести причитающиеся с них суммы самообложения от 71 до 175 р. на каждого. На второй день после этого сомсовет описал имущество семи лам, вплоть до обуви и постели, и 30/XII-29 г. продал с торгов всё их имущество. Несомненно, ламы указанных районов вынуждены были уйти из дацанов или же остаются перед фактом ухода...» [2, л. 181].

Такая система мероприятий привела к резкому сокращению числа лам на территории Бурят-Монголии. Так, если в 1916 г. их насчитывалось 11663 чел., то к 1935 г. осталось всего 1271. По данным НКВД, в указанный период «...с 1916 по 1933 г. из *учтенных* (подписано от руки авторами документа) 8875 лам: сняли сан – 5283, ушли в улусы – 1419, репрессировано – 1162, эмигрировало – 505, умерло – 506». В одном только Тункинском районе численность лам в этот период сократилась с 446 до 18 чел. [3, л.1–3]. Одновременно власти закрывали дацаны и дуганы (часовни, молитвенные дома – Л. З., А. П.) под предлогом малочисленности в них лам, которых они же ранее репрессировали.

В спецсообщении НКВД от 10 декабря 1933 г. отмечалось: « В течение последних лет несколько дацанов ...совершенно прекратили деятельность вследствие отсутствия лам. Часть ламства разбежалась по другим дацанам и за границу, другая часть репрессирована или перешла в степное состояние...», в связи с чем предлагалось «...дать указания Айкомам ВКП (б) о проведении массовой работы среди населения о закрытии бездействующих дацанов ...путём сноса дацанских построек и использования строительного материала, ...реализации с торгов имущества, а также передачи предметов культа (бурханы) музеям для отображения экспонатов и использования остальной части на утиль» [4, л. 3].

Закрытие и ликвидация дацанов зачастую сопровождалась их варварским разрушением, уничтожением имущества и издевательствами над чувствами верующих. Например, летом 1934 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) отмечал грубейшие нарушения основных «законоположений» советской власти при закрытии Токчинского, Гуновского и Кужиртаевского дацанов Агинского аймака, выразившиеся в сжигании дацанских книг и рукописей, в разрушении бурханов, распродаже с аукциона части имущества, растаскивании населением предметов культа и т. д. [5, л.18].

Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о варварской ликвидации

в том же году Приононских дацанов: «Уполномоченный Агинского айфо Банзарксаев произвёл ликвидацию дацанов. Он просто разгромил эти дацаны, переломав всех бурханов, и развеял по ветру книги». Этот акт вандализма глубоко поразил верующих. Так, например, член артели «Туя» Токчинского сомона 65-летний Дарма Баянов говорил: «Какой я грешный человек. Пришлось мне видеть такую поломку наших дацанских богов. Лучше бы мне во время паспортизации не выдали паспорта и выселили из района – я бы не видел этого» [6, л. 188]. В 1935 г. сотрудник НКВД Рождественский в справке «О дацанах в Бурят-Монгольской республике» отмечал, что в 1921 г. в Бурятии имелось 44 действующих дацана, на данный момент осталось только 28, однако и из них «... намечено к закрытию ещё 8 – в силу малочисленности лам, от 5 до 15 человек» [7, л. 20].

Аймачные комитеты ВКП(б), группы бедноты, советы сомонов, «Союз Воинствующих Безбожников» и комсомольские ячейки, на местах проводившие «идеологическую борьбу с религиозной отсталостью населения», действовали недопустимо грубо, запугивая верующих и оскорбляя их религиозные чувства. Методы «деятельности» этих организаций настолько «недопустимо грубо извращали партийную линию по антирелигиозной пропаганде», что секретарь Буркома ВКП(б) М. Ербанов в цитируемом ранее директивном письме назвал такую «идеологическую работу» хулиганством: «Сомонные советы, группы бедноты и ячейки иногда совершенно неправильно применяют наши законы, извращают их, нарушают элементарные границы революционной законности: а) Курбинский сомсовет на своём заседании 6 ноября 1929 г. вынес постановление “категорически воспретить населению сомона продавать ламам, проживающим в дацанах, мяса, хлеба и прочих продуктов с предупреждением, что лица, нарушающие это постановление, будут преследоваться в уголовном порядке по 109, 111 и 112 ст. УК”; б) комиссия Йорского сомсовета, выезжавшая в дацан для описи имущества лам, описывала не только имущество, но и находящееся на них белье, доходя до обысков лам. Причём, комиссия в полном составе прожила в дацане девять суток и уехала, ничего не заплатив, чем верующие очень возмущены. Организация Союза Воинствующих Безбожников и комсомола недопустимо грубо извращает партийную линию по антирелигиозной пропаганде: а) безбожники и комсомольцы в Ацайском дацане Селенгин-

ского района производят регистрацию верующих и неверующих, причём тем, кто не верует в бога, предлагают уходить из дацана и помочь им в закрытии дацана; б) безбожники и комсомольцы в Гусино-Озёрском, Сортольском, Гыгетуском, Иройском, Цолгинском, Тугно-Галтойском, Агинском и Гуновском дацанах в период религиозных праздников “Зулын-Хурал”, “Майдари” и т. д. без разрешения, самовольно захватывали молитвенные дома и дацанские площади, где устраивали игры, насмешки над ламами и верующими; в) гильбирская ячейка безбожников Селенгинского аймака в первых числах декабря 1929 г. арестовала несколько лам Янгажинского дацана за то, что они долго проживают в улусе. Ячейка вынесла постановление: “не давать ламам больше 3 суток проживать в улусе и по истечении этого срока прогнать”; г) в Гусино-Озёрском дацане во время антирелигиозного карнавала, устроенного в период религиозного праздника “Зулын-Хурала”, комсомольцы и безбожники самовольно, без разрешения лам звонили в ламские колокола, курили табак в дунганах, смеялись над ламами, верующими и т. д.; д) в Гусино-Озёрском дацане в дни революционных праздников безбожники и комсомольцы неоднократно в районе дацана и в самом дацане производили самовольные выстрелы, убивали собак, бродящих около дацана, и т. д. Также за последнее время часто стреляют из Тамчи (районного центра) по направлению Гусино-Озёрского дацана», – перечислял имеющиеся факты руководитель партийной организации республики [8, л.181–182].

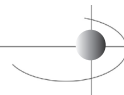
Было ясно, что подобные акции вызывают лишь рост оппозиционных настроений у верующих, но комсомольцы Бурятии и местные партийно-карательные органы продолжали бороться со «служителями культа» репрессивными методами. Предлоги для репрессий были не оригинальны: лам обвиняли в контрреволюционной деятельности, антисоветской и антиколхозной агитации и пособничестве врагам советской власти.

Органы ГПУ и местная милиция начали активно собирать данные о «контрреволюционной деятельности лам и членов их семей», готовя будущие судебные процессы. Так, в спецсводке № 2043 от 13 ноября 1933 г., направленной из ГПУ секретарю Восточно-Сибирского крайкома (ВСК) М. О. Разумову, сообщалось о «вскрытии» контрреволюционной вредительской кулацко-ламской группировки в колхозах «Булак» и «Хуцен» Агинского аймака БМАССР. По данным, содержащимся

в этой сводке, в «организацию вредителей» входило семь лам Агинского дацана, которые давали прямые и косвенные задания членам группы, направленные на вредительство в колхозах, распространяя слухи «о скором приходе японцев и падении Сов. власти» [9, л. 49–54].

Секретно-политический отдел Управления НКВД Восточно-Сибирского края в справке «О роли ламства в контрреволюционном движении в Бурят-Монгольской республике», датированной июнем 1935 г. и помеченной грифом «Совершенно секретно», пояснял, в чём же собственно заключалась «контрреволюционная деятельность лам»: «Консервативное ламство продолжает оставаться непримиримым к Соввласти. Особого внимания заслуживает к/р (контрреволюционная – Л. З., А. П.) работа ламства по подготовке широкого эмиграционного движения, преследующего цель нанесения политического и экономического ущемления БМР, дискредитации национальной политики партии и Соввласти и создание з/к (закордонного – Л. З., А. П.) людского фонда для национальных формирований, поощряемых Японией» [10, л. 17–21]. В результате агитационной деятельности лам, по мнению начальника УНКВД ВСК Зирниса, эмиграция бурят в Монголию носила массовый характер в районах Догоя, Борзинска, Абагатуя, Агинска и т. д.

Особенно активные эмиграционные процессы наблюдались в Агинском аймаке, что вызвало обеспокоенность зам. начальника ПП ОГПУ ВСК Хомякова. В специально подготовленном 16 октября 1933 г. сообщении за № 18235 в крайком ВКП(б) он отмечал: «На протяжении последних лет 1929–1933 гг. из Агинского аймака систематически происходила укочевка населения за границу и по соседним русским районам ВСК. Эмиграция населения из Агинского аймака шла только организованно под руководством ламско-кулацких элементов, действовавших в тесной связи с бурятской эмиграцией в МНР. В то же время... значительная часть населения перекочевала на территории соседних русских районов ВСК: Шилкинский, Оловянинский, Акшинский, Кыринский, Нерчинский и др. Кулацко-ламские элементы, не имея возможности для бегства за кордон, бежали от выполнения гособязательств, от нажима и контроля советских органов, одновременно увлекая известные слои колхозников и единоличников. Точного учёта разбежавшихся хозяйств из аймака нет. По сугубо приблизительным данным их насчитывается около 1500–2000 (под-

чёркнуто автором документа), из них часть семейств в аймаке, бежали только главы, которые просто скрываются или устраиваются на работы...» [11, л. 62]. По мнению властей, каждое вооружённое выступление бурят в 1930–1934 г. против «новых советских порядков» объяснялось «происками» лам [12, л. 19–21]. Причину массового бегства и вооружённых выступлений местного населения партия видела не в своей жестокой и бездарной политике по отношению к верующим, а в религиозной ламаистской традиции.

Не обошла своим вниманием новая власть и традиционную деятельность ламства – тибетскую медицину. Летом 1935 г. сотрудник НКВД Рождественский сообщал: «... количественный состав лам снизился благодаря оперативному изъятию наиболее авторитетных медиков за к/р деятельность... лекарственные ресурсы истощены и поступление новых запасов прекратилось». Результатом такой политики стало практически полное искоренение народной медицины: если в 1925 г. в 44 дацанах насчитывалось 440 лам-лекарей, то через десять лет по всей республике их осталось только 64 чел. [13, л. 8].

Советское руководство, разгромив к 1935 г. значительное число ламаистских религиозных центров и физически уничтожив большую часть ламского духовенства, приступило к ликвидации «религиозных предрассудков» среди населения Бурят-Монголии. На республиканском партийном совещании, посвящённом вопросу современного состояния ламства и задачам дальнейшей борьбы с ним, были утверждены «Практические предложения», согласно которым необходимо было вести «систематическую, беспощадную борьбу за высвобождение трудящихся масс от влияния на них религии ламаизма и ламства».

Основное внимание всех парторганизаций предлагалось сосредоточить на развёртывании идеологической борьбы путём широкой постановки массовой антирелигиозной пропаганды, направив её на путь разоблачения классового, реакционного, эксплуататорского и паразитического роли ламства, используя при этом кризис ламаизма и внутреннюю борьбу среди самого ламства. Подчёркивалась необходимость увязать работу по агитации с наступлением против капиталистических элементов, с чётким проведением во всех звеньях партийного советского и хозяйственного аппарата классового линии партии, теснейшим образом увязывая её со всем социалистическим строительством, обратив особое внимание на постановку антирелигиозной работы, прежде всего среди бедноты и батрачества. Также указывалось, что «ламство не ликвидировать в порядке естественного самотёка, – это политическая недооценка классового врага» [14, л. 103–105].

Таким образом, документы свидетельствуют о том, что представители традиционной буддистской религии, веками существовавшей среди бурятского населения и являвшейся также частью народной культуры и повседневной жизни, были определены как «классовые враги», с которыми можно и нужно было бороться любыми методами и средствами. Многие ламы и верующие миряне были подвергнуты репрессиям, уничтожены физически, многие эмигрировали, все действующие дацаны были закрыты. Буддийская церковь в Бурятии фактически прекратила своё существование. Новая власть насаждала свою диктатуру, невзирая на законы, мораль и нравственные устои, беспощадно искореняя любое инакомыслие. Ламаизм не стал исключением.

Список литературы

1. Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией // И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. второе доп. М.; Л.: Госиздат, 1930. 630 с.

Источники

2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. ОП. 8. Д. 63.
3. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 329.
4. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 546.
5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 301.
6. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 355.
7. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 329.
8. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 8. Д. 63.
9. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 1. Д. 545.
10. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 15. Д. 329.
11. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 1. Д. 545.
12. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 15. Д. 329.
13. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 15. Д. 329.
14. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 4. Д. 3.

References

1. Stalin I. V. Beseda s pervoj amerikanskoj rabochej delegaciej // I. V. Stalin. Voprosy leninizma. Izd. vtoroe dop. M.; L.: Gosizdat, 1930. 630 s.

Istochniki

2. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti (GANIIO). F.123. OP. 8. D. 63.
3. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 329.
4. GANIIO. F. 123. Op. 1. D. 546.
5. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 301.
6. GANIIO. F. 123. Op. 4. D. 355.
7. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 329.
8. GANIIO. F. 123. OP. 8. D. 63.
9. GANIIO. F. 123. OP. 1. D. 545.
10. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
11. GANIIO. F. 123. OP. 1. D. 545.
12. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
13. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
14. GANIIO. F.123. OP. 4. D. 3.

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Паламарчук А. В. Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е гг.: документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 93–98.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Reference to the article

Zandanova L. V., Palamarchuk A. V. The Struggle Against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents Testify // Humanitarian Vector. History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 93–98.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Статья поступила в редакцию 14.03.2016